

≈ 20 мин

О событиях, происходивших в этой связи в Самаре, рассказывалось в воспоминаниях А. А. Белякова, М. П. Голубева, М. И. Семёнова, написанных ещё в 20-е годы. Однако в последнее время об этих мемуарах как бы забыли. И в новейших писаниях Волкогонова, Латышева и им подобных, а раньше — в зарубежных статьях Валентинова стали широко использоваться воспоминания В. В. Водовозова, опубликованные им в эмиграции в 1925 году.

Василий Васильевич Водовозов, о котором уже упоминалось в связи с поездкой Владимира Ульянова в Питер в августе 1890 года, прибыл в Самару осенью 1891 года. Рассказав в своих мемуарах о том, как был создан самарский комитет для помощи голодающим, он пишет:

«Вл. Ульянов... резко и определённо выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я её сейчас вспоминаю, — а запомнил я её хорошо, ибо мне приходилось не мало с ним о ней спорить, — сводилась к следующему: голод есть прямой результат определённого социального строя; пока этот строй существует, такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создаёт пролетариат и содействует индустриализации края... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьёт веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции».

Тупое и бесчеловечное доктринёрство, приписываемое Владимиру Ульянову, настолько, по известным причинам, устраивало упомянутых выше авторов, что — откинув все иные свидетельства — они приняли именно эту позицию за аксиому, логическим продолжением которой стала позднее, по их мнению, репрессивная политика Советской власти по отношению к крестьянству. И поскольку это лживое утверждение получило достаточное распространение, стоит остановиться на мемуарах Водовозова несколько подробнее.

Итак, Водовозов пишет, что, прибыв осенью 1891 года из Архангельска в Самару, он сразу же сблизился с семьёй Ульяновых. И уже в этом утверждении есть элемент неточности. Выше упоминалось, что в своё время в Питере он был знаком с Александром и Анной Ульяновыми. И незадолго до ареста Александра он дал ему для перевода статьи Маркса журнал «Немецко-французский ежегодник». Когда же Александра арестовали и над ним нависла смертельная опасность, у Василия Водовозова вырвалось лишь одно:

«Как жаль, что такая ценная книга может теперь пропасть...»

Об этой реплике в семье Ульяновых знали, и такое не забывается. Потому-то Мария Ильинична и подчёркивает, что в Самаре Водовозов *«приходил больше к старшей сестре»* Анне, с которой они *«читали вместе по-итальянски»*.

«У этого Водовозова, — вспоминая самарские годы, писал Дмитрий Ильич Ульянов, — была большая библиотека, так что вся его комната до отказа была заставлена книжными шкафами, все книги были чистенькие, в новых переплётах. Он очень дорожил своей библиотекой и, казалось, что книги любил больше, чем живых людей. По своей начитанности он, вероятно, был первым в

городе, но эта начитанность, очевидно, так давила на его мозг, что сам он не представлял из себя ничего оригинального. Он не был ни марксистом, ни народником, а так, какой-то ходячей энциклопедией».

Водовозов был старше Владимира Ильича, раньше него окончил университет, благодаря матери был лично знаком со многими знаменитостями, регулярно получал из-за границы революционную литературу, наконец, был сослан не куда-нибудь, а в далёкий Шенкурск. И он вполне мог надеяться на то, что ему, а не таким провинциалам, как Ульянов или Скляренко, будут «смотреть в рот» симпатичные фельдшерицы, желторотые гимназисты и недоучившиеся студенты. Но, увы, этого не произошло.

Вспоминая о Водовозове, Мария Голубева пишет:

«Это был чемодан, туго набитый книгами, но пользы от этого было мало кому. Мне как-то досадно было, что капитал пропадает даром, и я подбила однажды Водовозова выступить перед самарской молодёжью с каким-то рефератом. Насколько мне помнится, он зимой на своей квартире сделал доклад о германской социал-демократии. На этом докладе был и Владимир Ильич. Он выступал как оппонент Водовозова... Особенных резкостей со стороны Владимира Ильича не помню, но помню, что Водовозов остался недоволен этим диспутом... На мой вопрос, почему он редко ходит к Ульяновым, ответил, что у них ему „скучно“. И Владимир Ильич, по-моему, мало интересовался обществом Водовозова, ему тоже с Водовозовым было скучно».

Тогда же произошёл и более серьёзный конфликт. В связи с тем, что

саратовский губернатор А. И. Косич, пользовавшийся репутацией либерала, был отправлен в отставку, Водовозов предложил поднести ему адрес от имени политических ссыльных Самары. Ульянов, для которого Косич являлся лишь одним из «*российских помпадуров*», «*очень резко высказался против*». И ссыльная молодёжь поддержала его. После этого Водовозов всё более сближается с самарским либеральным обществом, становится завсегдатаем светских журфиксов, и, когда стал формироваться комитет помощи голодающим, Василий Васильевич вполне естественно оказывается в его составе.

И вот тут мы сразу сталкиваемся с одним весьма существенным умолчанием у тех авторов, которые использовали воспоминания Водовозова.

Дело в том, что злополучный самарский комитет помощи голодающим, о котором пишет Водовозов, не был общественной организацией того типа, которые с лёгкой руки Льва Львовича Толстого, подвергаясь различного рода гонениям, возникали полулегально и функционировали в противовес правительственным продовольственным органам. К такому типу в Самарской губернии принадлежали бесплатные столовые и пекарни, организованные Л. Л. Толстым, В. Г. Короленко, а также В. А. Оболенским и В. Д. Протопоповым, прибывшими сюда из Тульской губернии по приглашению графа А. А. Бобринского. Комитет же, в котором сотрудничал Водовозов, фактически функционировал при губернаторе, как и многие другие, возникшие в связи с упомянутым выше рескриптом государя наследнику.

В состав комитета входили Степан Миклашевский, приятельствовавший с

губернатором, часто бывавший у него дома и являвшийся, как пишет Водовозов, «*посредником между комитетом и губернатором*», протоиерей Лаврский, другие чиновники, «*занимавшие высокие посты в местной служебной иерархии*». Из мира «*неблагодёжных*» Водовозов называет лишь самарского гигиениста, доктора Вениамина Осиповича Португалова, Осипова и себя, привлечённого к работе в качестве юриста.

Заметим также, что указанный комитет создавался не для безвозмездной помощи голодающим, а для обеспечения питанием «за умеренную цену» тех крестьян, которые были заняты на земляных работах, организованных губернатором.

«*В этой столовой, — рассказывает Водовозов, — порция щей стоила 2 коп., порция хлеба 2 к. и порция чаю тоже 2 коп.*» Если учесть, что за 12 часов ежедневных тяжелейших земляных работ крестьянин получал — да и то с большой задержкой — гривенник, и то, что в деревне его ждала голодная семья, то эти 6 копеек превращались в сумму немалую. И это при том, что уполномоченные по организации работ, назначенные губернатором, сразу получили на бездокументальные расходы по 5 тыс. рублей, а всего за год — 180 тыс. рублей. Так что трения между радикальной самарской молодёжью и комитетом были неизбежны, ибо участие в нём так или иначе накладывало моральную ответственность за те аферы и махинации, которые имели место при проведении всех этих «общественных работ».

Когда 14 ноября 1891 года Владимир Ульянов вернулся из Петербурга в Самару, споры вокруг деятельности комитета развернулись уже вовсю. И хотя

нечистоплотность чиновников была для всех очевидна, желание помочь голодающим привело к тому, что заседания комитета стали посещать многие из ссыльных. Причём не только те, кто работал в казённых учреждениях, вроде Красноперова или Долгова, но и другие бывшие народовольцы и землевольцы, писатель Гарин-Михайловский, а также народническая молодёжь, полагавшая, что работу в комитете можно использовать для революционной пропаганды среди крестьян.

Заметим — убеждение в том, что голодные крестьяне являются прекрасным объектом для агитации, было распространено среди преимущественно городской народнической молодёжи довольно широко. И об этом хорошо рассказал В. А. Оболенский. Но как только он сам соприкоснулся с голодными крестьянами Самарской губернии, выяснилось, что всё это — сущие пустяки. *«Мы хотели свою помощь, помощь общественную, — писал он, — противопоставить помощи правительственной, а нас принимали либо за царских приближённых генералов, либо за великих князей, а моего товарища Протопопова упорно считали самым наследником».*

Так вот, у Владимира Ильича никаких заблуждений относительно использования голода для антиправительственной пропаганды не было. И Водовозов пишет об этом прямо:

«Ленин не верил в успешность такой пропаганды среди голодающих. Это соображение играло большую роль в его отрицательном отношении к нашему комитету...»

Тут Василий Васильевич прав. Но он утверждал заведомую неправду, когда

писал, что его спор с Владимиром Ильичём шёл по поводу того — кормить или не кормить голодающих.

На то есть и прямое свидетельство самого Ульянова. Когда через восемь лет он начинает разрабатывать программу партии, в разделе об отношении к крестьянству напишет:

«Социал-демократы не могут оставаться равнодушными зрителями голодания крестьянства и вымирания его голодной смертью. Насчёт необходимости самой широкой помощи голодающим между русскими социал-демократами никогда не было двух мнений».

«Владимир Ильич, — пишет А. А. Беляков, — не меньше других революционеров страдал, мучился, ужасался, наблюдая кошмарные картины гибели людей и слушая рассказы очевидцев о том, что совершается в далёких, заброшенных деревнях, куда не доходила помощь и где вымирали почти все жители». И Беляков отвечал своему бывшему приятелю Водовозову:

«Везде и всюду Владимир Ильич утверждал только одно, что в помощи голодающим не только революционеры, но и радикалы не должны выступать вместе с полицией, губернаторами, вместе с правительством — единственным виновником голода и „всероссийского разорения“, а против кормления голодающих никогда не высказывался, да и не мог высказываться».

Матвей Иванович Семёнов рассказывает, что вопросы, связанные с взаимоотношениями с комитетом (комиссией) и работой в столовых,

обсуждались во всех подпольных кружках.

«Обсуждались они и в нашем кружке, причём Владимир Ильич, разъясняя смысл подобных организаций в условиях царского режима, резко высказывался против какого бы то ни было отождествления работы в этой комиссии с революционной деятельностью. Стычки по этому поводу у него были как с В. В. Водовозовым, так и с другими филантропами».

Это подтверждает и Мария Яснева-Голубева:

«Владимир Ильич и я не принимали участия в работах этих столовых. Конечно, не нежелание помочь голодающим руководило в данном случае этим отзывчивым к чужому горю юношей: очевидно, он считал, что пути революционера должны быть иные...»

Водовозов признаёт, что позиция В. Ульянова и его сторонников повлияла на некоторых членов комитета. Алексей Беляков уточняет: на заседания комитета перестали ходить и уже упоминавшийся Гарин-Михайловский, и такие старые народники, как Красноперое, Долгов, Ливанов, Осипов, Чеботаревский и др. В этой связи возникают вполне закономерные сомнения в том, что тот вздор о «прогрессивности голода», который Водовозов приписывал Ульянову, мог иметь столь очевидный успех у подобного рода публики. А если так, то откуда же взял Василий Васильевич весь этот набор псевдомарксистского доктринёрского тупоумия?

Для читателя, мало-мальски знакомого с российской общественной жизнью начала 90-х годов XIX столетия, ответ однозначен: «источником вдохновения»

стала для Водовозова та полемическая литература, которую либеральные народники буквально обрушили на головы марксистов.

Дело в том, что отношения между ними обострились к этому времени до крайности. И нетолько на уровне разногласий между столпами народничества и плехановской группой «Освобождение труда», но и в российской глубинке. Пока Ульянов и его друзья внимали рассказам ветеранов о славном прошлом и отдавали должное подвигам народовольцев, к их марксистским увлечениям относились с известной снисходительностью и, с лёгкой руки Михайловского, называли не иначе как «учениками».

Но когда стало очевидным, что симпатии демократической интеллигенции, и прежде всего молодёжи, всё более поворачиваются к марксистам, когда во время голода разногласия перешли на практическую почву, взаимная конфронтация стала принимать всё более резкие формы.

Если ищешь повод для конфликта — он находится всегда. И такой повод дали оренбургские ссыльные студенты, причислявшие себя к марксистам. Они действительно выступили против молодёжи, отправлявшейся в голодную деревню, «кормить крестьян», ибо это, по их мнению, должно было «препятствовать процессу создания капитализма». В оренбургской глуши можно было додуматься и не до такого абсурда. И позднее Николай Федосеев напишет Михайловскому:

«Я не могу допустить, что такой развитой и умный человек, как Вы, глупости оренбургских студентов и каких бы то ни было других лиц, именующих себя „марксистами“, — стал бы распространять на русский

марксизм, будто бы неизбежно приводящий своих адептов к подобным преступным мыслям».

Но политическая конфронтация никогда не отличалась особой щепетильностью при выборе приёмов борьбы и полемики. И в июньском номере журнала «Русская мысль» за 1892 год всё-таки появилась статья Михайловского, прямо обвинявшая марксистов в проповеди необходимости «отделения производителей» (крестьян) от «средств производства» (земли). Вслед за ней появились работы других теоретиков народничества, приписывающие социал-демократам желание «обезземелить крестьян» и «выварить их в фабричном котле». А С. Н. Кривенко в одной из статей заявил, что для достижения марксистского «идеала» просто необходимо повсеместно «открывать кабаки», ибо они более всего способны пролетаризировать селян. И если прежние философско-теоретические споры не привлекали особого интереса широкой публики, то теперь по всей России пошла молва о том, что марксисты — это те, кто «совсем не любят мужика» и «радуются разорению деревни».

Всё это Владимиру Ульянову и его друзьям пришлось выслушивать и в Самаре. Особенно после того, как летом 1892 года сюда приезжал с рефератом сам Михайловский. Даже из среды молодёжи, сочувствовавшей «марксятам», раздавался тоскливый укор:

«Вот вы, конечно, и научнее, и умнее их, но зачем вы непременно хотите разорить крестьян, во что бы то ни стало превратить их в пролетариев?»

А один из народников, застав однажды Скляренко за подсчётами числа безлошадных крестьян в самарских деревнях, видимо совершенно искренне и с

горечью заметил:

«И вам не жалко их! Вы сидите и спокойно констатируете эти явления?!»

Иными словами, эффективная «формула борьбы» была найдена, хотя для подобных утверждений и не было оснований.

Позицию марксистов в начале 1892 года сформулировал Г. В. Плеханов в статье «Всероссийское разорение» и в письмах «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России». Не осуждать надо ту молодёжь, тех добровольцев, писал Плеханов, кто полагает, что можно *«вычерпать чайной ложечкой глубокое безбрежное море народных страданий. Эти люди бесстрашно исполняют свой долг, как они его понимают. Неужели мы останемся позади них?»* Нет! Социалисты должны идти дальше и направить свои усилия на борьбу с причинами народного бедствия.

Если у правительства и буржуазии есть хлеб и деньги для благотворительности, создающей лишь иллюзию помощи, то у социалистов есть только слово. Они не могут накормить голодающих, но они должны разоблачать всю правительственную политику, всех чиновных казнокрадов и лихоимцев, паразитирующих на людском горе. Социалисты обязаны способствовать росту классового сознания трудящейся массы города и деревни, правильному пониманию причин нынешнего голода, чтобы народ мог *«вырвать свою судьбу из рук царских чиновников»*, завоевать политические права, и прежде всего всеобщее равное и прямое избирательное право. Только созванный таким образом Земский собор сформирует правительство, способное удовлетворить народные нужды, и *«даст русскому земледельцу возможность сеять хлеб, а не*

голод». Именно для этого социал-демократы станут добиваться «полной экспроприации крупных землевладельцев и обращения земли в национальную собственность». Ну а если крестьяне захотят поделить её между общинами — «и в том не вижу я беды». Россия, заключает Плеханов, «спасёт себя революцией».

До сих пор, опровергая наветы Водовозова, мы писали о том, чего Владимир Ильич не говорил и не мог говорить. А нет ли более серьёзных источников для суждения о том, что же он говорил на самом деле, нежели воспоминания противников или друзей?

Конечно есть!

Известно, что значительная часть его работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», вышедшей позднее, была написана как раз в Самаре. Владимир Ильич анализирует в ней статьи из либерального журнала «Русское богатство», принадлежащие тем любителям *«собрать салонные сплетни про злых марксистов»*, которые якобы, не брезгуя никакими средствами, всячески добиваются *«ускорения капиталистического процесса»*, более всего *«заботятся о развитии капиталистической промышленности»*, и прежде всего о росте численности российского пролетариата, — посредством всеобщего *«обезземеливания крестьян»* и *«вываривания каждого мужика в фабричном котле»*.

Со всеми эпитетами, которые Владимир Ильич адресует авторам подобного рода *«извращений»*, *«подтасовок»* и *«грязных выходок»*, являющихся, по его мнению, классическим образцом *«пошлости»*, читатель может ознакомиться,

перелистав указанную работу. Но дело, конечно, не в этих малоприятных словах. А в том, что позиция Ленина не имела ни малейшего отношения к взглядам, изложенным Водовозовым.

Не идеи «разрушения крестьянского хозяйства» или «выбрасывания мужика из деревни в город» с помощью голода, которые приписывает ему Водовозов, а необходимость защиты интересов крестьян — вот что отстаивал Владимир Ильич. «Социал-демократы, — писал он, — будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой от них земли, на полной экспроприации помещичьего землевладения — этого оплота крепостнических учреждений и традиций». И национализация земли, о которой упоминал и Плеханов, создала бы, по мнению Владимира Ильича, демократическую почву для ликвидации крестьянского бесправия, гнёта помещиков и чиновников.

Из книги В. Т. Логинова «Владимир Ленин. Выбор пути: Биография».

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.